

УДК 165.9

DOI: 10.5840/dspl20181451

ПЕРВАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ: ШАРТРСКАЯ ШКОЛА

Опенков Михаил Юрьевич – доктор философских наук, профессор. Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 163006, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 4; e-mail: m.openkov@narfu.ru

Тетенков Николай Борисович – кандидат философских наук, доцент. Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 163006, г. Архангельск, пр. Ломоносова, д. 4; e-mail: tenibo@yandex.ru

Данная статья затрагивает вопрос о том, является ли общество знаний только продуктом постиндустриальной экономики, либо это исторически повторяющийся процесс, возникающий на определенном уровне развития науки своего времени и системы образования. Как показывают авторы, Шартрская школа является первой европейской моделью общества знаний, поскольку эпистемический режим определяет роль знаний, информации в обществе в том смысле, что искусство учителя и преподавателя становится возможным при условии выработки определенной техники освоения материала и беседы с учениками. Отмечается специфика эпистемического режима XII века, заключающегося в соединении в одной деятельности обоих типов знания – явного и неявного. Сюда следует добавить механико-математическую космологию, принципы которой распространялись на биологический мир; теорию элементарных частиц, из которых состоит материя, соединявшуюся с теорией потока, объяснявшей силовое движение тел, что говорит о научной зрелости Шартрской школы и необычайной утонченности ее мысли. Значение Шартрской школы для современного общества знаний велико, т.к. она учит методологии мышления.

Ключевые слова: общество знаний, экономика знаний, Шартрская школа, образование, схоластика, метапарадигматическое использование информации

THE FIRST EUROPEAN MODEL OF KNOWLEDGE SOCIETY: THE SCHOOL OF CHARTRES

Mikhail Yu. Openkov – DSc in Philosophy, professor. Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. 4 Lomonosov Ave., Arkhangelsk, 163006, Russian Federation; email: m.openkov@narfu.ru

This paper considers the issue of whether the knowledge society is only a product of the post-industrial economy, or it is a historically repetitive process that occurs at a certain level of scientific development within a certain time and education system. As the authors put it, the School of Chartres was the first European model of the knowledge society. Furthermore, a certain epistemic regime has a significant impact on the role of knowledge and information in society in the

Nikolai B. Tetenkov – CSc in Philosophy, docent. Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. 4 Lomonosov Ave., Arkhangelsk, 163006, Russian Federation; email: tenibo@yandex.ru

sense that the art of teaching becomes possible as long as the relevant techniques of mastering the material and holding discussions with students are provided.

In the paper, the epistemic regime of the XII century is characterized as engaging both explicit and implicit types of knowledge in the same activity. This should be complemented by the mechanical and mathematical cosmology, the principles of which extended to the biological world, as well as by the theory of elementary particles being the fundamental constituents of matter in connection with the theory of flow that explains the force movement of bodies. All of these indicate the scientific maturity of the School of Chartres and the extraordinary refinement of its ideas. The importance of the School of Chartres for the modern knowledge society is very significant, as it teaches the methodology of thinking.

Keywords: knowledge society, knowledge economy, School of Chartres, education, scholastics, metaparadigmatic use of information

Что такое «общество знаний»?

Понятие «общества знания» впервые было использовано в 1969 году фактическим основателем менеджмента знаний Питером Друкером и получило детальное развитие в девяностых годах. Если понятие «информационное общество» отсылает нас к достижениям в области технологий, то понятие «общества знания» включает в себя и другие аспекты: социальные, политические и т.д.

Использование множественного числа в понятии «общества знания» акцентирует внимание на том, что невозможно создать единую модель, которая смогла бы отразить все культурное, языковое многообразие, тем самым позволив любому человеку ориентироваться в общественных изменениях. Создание любого общества подразумевает создание форм знания и культуры, на которые будет также влиять современный научно-технический прогресс. Эксперты ЮНЕСКО полагают, что источником развития обществ знания является их собственное многообразие и способности: многообразие стимулирует формирование творческого потенциала обществ знания, позволяет осознать ценность знаний и способностей, а также отвечать на вызовы стремительно изменяющейся современности.

Всемирное информационное общество является творением новых технологий, однако эти технологии не являются самоцелью, они лишь средство для создания обществ знания, и даже увеличение сетей недостаточно для создания обществ знания. Информация – это не только форма знания: информация – это рыночный товар, чья экономика основывается на раритетности, в то время как зна-

ние принадлежит всему человечеству, что не исключает защиты интеллектуальной собственности. Это различие между информацией и знанием указывает на глубину изменений в отношении к знанию, которые произошли из-за появления модели экономики знания.

Хотя формирование всемирного информационного общества происходит на наших глазах и его технологии увеличили скорость передачи информации и ее объемы, это лишь первый шаг на пути движения к обществам знания, т.к. информация может быть неправильно осмыслена. Кроме того, пока в мире отсутствуют равные возможности для получения образования, а также для доступа к информации, ее анализа и сортировки, информация остается набором разрозненных сведений. Тогда приходит осознание факта того, что информация владеет нами, а не наоборот; кроме того, избытие информации не приводит к приращению знания: необходимы также соответствующие средства обработки информации. В обществах знания человек должен будет уметь ориентироваться в пространстве информации, различая нужную ему информацию от бесполезной, а также уметь развивать свои когнитивные способности и аналитический ум.

Коммерциализация знаний в информационном обществе становится угрозой разнообразию когнитивных культур: научные и технические знания вытесняют традиционные навыки и автохтонные знания. Эти навыки и знания обесцениваются на фоне достижений науки и техники – они могут просто исчезнуть, хотя представляют собой бесценное богатство; более того, знание нельзя рассматривать только как товар. В докладе ЮНЕСКО указывается, что «политики и руководители должны обратить самое пристальное внимание на нынешнюю тенденцию к приватизации систем высшего образования и их интернационализации, которую необходимо вынести на обсуждение широкой общественности, добросовестно пытаясь спрогнозировать развитие ситуации на национальном, региональном и международном уровнях» [Юнеско, 2005, с. 25].

Основное различие между информационным обществом и обществами знания заключается в следующем:

1) в основе информационного общества лежат информационные технологии, оно обменивается информационным товаром в глобальных масштабах;

2) общества знаний чаще всего локальны по своим масштабам, не занимаются информационной торговлей, а решают познавательные задачи, формируют эпистемические режимы. Эпистемический режим информационного общества основан на торговле информацией и развитии интеллектуальной собственности; он «отличается от эпистемических режимов европейских университетов XIX столетия, которые считали очевидным, что знание является общественной собственностью, что академические исследования должны протекать свободно и что, для того чтобы быть полезным, исследование должно быть бесполезным» [Опенков, 2007, с. 15].

Рассмотрим подробнее специфический эпистемический режим Шартрской школы.

Модель XII века. Шартрская школа

Интеллектуал двенадцатого века, стоящий в центре стройки, увидит в ней Вселенную, подобную огромной фабрике. Глядя на стройку, человек воспринимает себя мастером, преобразующим и творящим, сотрудником Бога и природы в творении. Перед нами новая, преображенная картина человеческого общества, в которую включены все виды человеческого труда, что ранее были презираемы. Теперь они включены благодаря реабилитации труда в град человеческий, образ Града Божьего.

Таким культурным центром XII века с единым доктринальным ядром была Шартрская школа. Несмотря на то, что само существование кафедральной школы в Шартре фиксируется уже во времена служения епископа Шартрского Бетхария, т.е. около 600 года, именно благодаря Фульберту, снабдившему ее переводами логических работ Аристотеля и соответствующими трудами Боэция, а также сочинениями латинских и арабских авторов по математике, астрономии и естествознанию, она приобрела статус одного из самых значительных центров образования на латинском Западе и прославилась богословскими, диалектическими и натурфилософскими исследованиями.

Говорить о Шартрской школе – это все равно что говорить о Платоне (М. Дэви), т.к. наиболее читаемым в Школе был диалог «Тимей». Шартрская школа обращалась к античному наследию подобно тому, как мы обращаемся к логической культуре средневековой философии.

Интеллектуал двенадцатого века отождествлял себя с мастером или ремесленником. Он изучал свободные искусства, но что такое свободное искусство? Техника, тэхне, и значит, деятельность профессора мало чем отличается от работы плотника, кузнеца. Искусство – это рациональная деятельность, создающая материальные и интеллектуальные ценности.

Таким образом, интеллектуал – это ремесленник, т.к. свободные искусства предполагали как познание, так и производство, протекающее из разума.

Характерно, что Св. Фома в определении искусства как техники прямо опирается на Аристотеля. Известно, что Аристотель, определяя миметические и немиметические искусства, говорил, что искусство плотника – это техника. Но и искусство поэта – тоже техника. Это имеет тот смысл, что искусство учителя и преподавателя невозможно, если не будет выработана определенная техника освоения материала и беседы с учениками.

Таким образом, особый тип эпистемического режима XII века можно охарактеризовать как соединение в одной деятельности обоих типов знания – явного и неявного. Сюда следует добавить механико-математическую космологию, принципы которой рас-

пространялись на биологический мир. Теория элементарных частей, из которых состоит материя, соединялась с теорией потока, объяснявшей силовое движение тел. Это говорит о научной зрелости Шартрской школы и необычайной утонченности ее мысли. Можно также говорить об организации всего знания на основе философии и теологии.

Основателем Шартрской школы называют Бернарда Шартрского, канцлера школы. О нем мы знаем благодаря произведениям Иоанна Солсберийского, где Бернард Шартрский именуется великим наставником, заботящимся о воспитании ума и вкуса у своих учеников; также он знакомил своих учеников с работами великих писателей классической древности.

Понимая связь интеллектуальной деятельности с ремеслом, интеллектual двенадцатого века осознал необходимость подготовки, тем самым признавая связь преподавания и науки. Он считал, что знания нужно не копировать, а пускать в оборот, и школа для него была мастерской, экспортирующей идеи подобно товарам. Однако это не щедрость интеллектуала, поскольку он знает, что данная ситуация приносит ему выигрыш. На этой фабрике интеллектуал ищет свое поле деятельности, используя собственные способности в творческом труде. Его инструменты – собственный ум и книги, которые служат ему в качестве рабочих орудий. Интеллектуалы организуются внутри корпоративного движения, и такими корпорациями для них станут университеты [Ле Гофф, 2003, с. 160].

Первой революцией стало превращение книги из предмета роскоши в инструмент благодаря изобретению печатного станка. Следствием этого изобретения стало то, что книга становится продуктом промышленности, объектом торговли. В университетах появились библиотеки, ставшие частью университета и пользовавшиеся привилегиями, подобно преподавателям и студентам; кроме того, на них распространялась юрисдикция университета. Тем самым в университетах возникают сопутствующие отрасли.

Концепция обществ знаний была высказана Гонорием Отенским, утверждавшим, что невежество является изгнанием человека, а его отечество – наука, добавляя, что началом являются свободные искусства, представляющие собой города – этапы, где первый город – грамматика, а последний этап – экономика, в которой регулируются состояния и достоинства, различаются обязанности и порядки; тем самым политикой завершается одиссея гуманизма интеллектуалов XII века.

Другим важным признаком общества знаний является критическая масса интеллектуалов, которые общаются друг с другом, что характерно для того времени. XII век остался верен традиционной программе семи свободных искусств, при этом рамки расширились во всех направлениях, что приводит к группе идей, связанных с обществом знаний. Морис де Вульф назвал это демаркацией границ между науками [Вульф, 2014, с. 253].

В раннем Средневековье программа обучения включала тривиум (грамматику-риторику-диалектику), а также квадриум (ариф-

метику-геометрию-музыку-астрономию). В квадриуме легко узнать то, что позднее будет названо средним образованием. Около середины XII века изучение диалектики включало изучение всего «Органона» Аристотеля.

Что касается квадриума, то обучение уму всегда отставало от тривиума: Евклид был образцом для математических наук. Определенный импульс изучению астрономии был придан Аделардом Батским, мыслителем, близким к Шартрской школе, посвященным в арабскую науку в Испании. Аделард прославился как один из первых переводчиков на латынь арабских научных текстов. В 1126 году были переведены исправленные в конце X века работавшим в Кордове Масламой аль-Маджрити из Мадрида таблицы астрономических вычислений аль-Хорезми, являющиеся переработкой сочинения индийского происхождения «Малый Синджхинд». Благодаря этому переводу, латинский Запад познакомился с арабскими цифрами, тригонометрией и индийской концепцией мирового географического центра, который локализовался в легендарном городе Арине, расположенном на пересечении экватора с нулевым меридианом. Позднее Роберт Ретинский из Кеттона, переводчик «Астрономии» аль-Баттани, приспособил эти «Таблицы» к лондонскому меридиану [Шишков, 2016, с. 91].

В XII веке возникают механистические тенденции, которые далее вновь появятся в XIV столетии. Теория движущей силы, влагаемой в движущиеся тела (*impetus*), для Теодорика Шартрского была вполне рациональным объяснением состояния тел в движении.

Философию в Средние века путали с диалектикой. Утверждалось, что философия ограничивалась горсткой скучных полемических ссор по поводу силлогизмов и софистики. Это мнение имеет мнимое основание благодаря определенным акробатам диалектики, которые лишили философию в XI и XII веках всех идей. Они представляли ее, по словам Иоанна Солсберийского, обескровленной и бесплодной.

Ярким опровержением ложного мнения о философии Средневековья был Иоанн Солсберийский (ок. 1110 – 1180). Его произведения «Поликратик» и «Металогикон» равны по стилю и степени утонченности духа шедеврам эпохи Возрождения, его произведения показывают все разнообразие жизни Средневековья.

Иоанн Солсберийский стремился возродить культуру, в основе которой он видел Цицерона и Квинтилиана, – культуру, ориентированную на интеллектуальное и нравственное воспитание человека. Философские взгляды Иоанна Солсберийского сформировались под влиянием кружка академиков, Цицерона. Иоанн Солсберийский не был сторонником скептицизма, однако, подобно Цицерону, не обращался к установленным истинам – остальные же делал предметом бесконечных споров.

Скромность академиков была для него образцом мудрости, достойным подражания: анализируя вопросы, они довольствовались вероятностями. Желая измерить мир, подчинить небо, философы

возлагали излишние надежды на силу собственного разума. В результате этой самонадеянности, они приходили к тому, что начинали нести вздор. Подобно вавилонскому столпотворению, в философии возникло смешение языков, смешение систем. Философы утонули в собственных безумствах, академики избежали этого заблуждения: осознав свое неведение, они стали сомневаться в собственном незнании; их сдержанность, сомнение в материях, о которых чувства, разум, вера не дают нам абсолютной уверенности, вызывает у него уважение.

В споре об универсалиях Иоанн Солсберийский видел пример подобной проблемы: она может быть предметом философской дискуссии, т.к. ее сложность и запутанность позволяют философам высказывать любые взгляды. Философы бесконечно спорят об универсалиях, но из-за бессистемности понятий создавалось впечатление многообразия мнений. Как результат, у их последователей оказался богатый материал для дискуссий. Поиск актуального способа существования универсалий – бессмысленное занятие, однако найти ответ, чем универсалии являются в интеллекте, – возможно и полезно.

В таком подходе к проблеме проявляется академизм Иоанна Солсберийского: он следует здравому смыслу и ищет ясные решения, питая отвращение к словесной мишуре. Он утверждает что-либо, лишь будучи твердо убежденным в этом. Как свидетель дискуссий, возникающих по проблеме универсалий, Иоанн, подобно академикам, не спешит выносить свое суждение: лишь когда он видит разумный выход из лабиринта, он идет к нему.

Для Иоанна Солсберийского «совершенный философ не тот, кто удовлетворяется теоретическим знанием, но тот, кто живет согласно учению, которое проповедует; по-настоящему философствовать – значит следовать проповедуемым принципам» [Жильсон, 2010, с. 210].

Такие достойные люди, как Ансельм Кентерберийский, Абельяр, Тьерри Шартрский, Иоанн Солсберийский, не просто преподавали диалектику или формальную логику с умеренностью и применяли ее в соответствии с доктриной. Они расчищали место для философии вне свободных искусств, вне диалектики. Их записи касаются проблем метафизики и психологии, что вовсе отличается от формальной диалектики [Вульф, 2014, с. 253].

Уже в середине XII века философия содержала значительную часть доктрины, которую последующие столетия должны были сделать плодотворной. Теперь стал очевиден вводный характер свободных искусств; при этом XII век не только отделил свободные искусства от философии, но также ознаменовал радикальное отделение философии от теологии. Это означало, что философия осознавала себя. Этот великий шаг был сделан одновременно с другими науками, и они получили свою независимость, хотя и в разной степени. Размежевание философии в XII веке было лишь одним из аспектов быстро развивающейся цивилизации. Хаос и нерешительность прежних веков исчезли. Новая эра проявилась

через ощущение созревающих сил. Европейская цивилизация впервые за тысячелетие получила уверенность в себе. И все же это был короткий период потепления климата в Европе.

Какое это может иметь значение для современного образования?

Интеллектуал XII века обладал, помимо прочего, собственным методом – схоластикой. В «Введении в исследование Св. Фомы Аквинского» отец Шеню блестяще изложил схоластику, однако схоластика стала жертвой светской клеветы, воспользовавшейся ее сложностью и необходимостью подготовки к ее восприятию. Введением в схоластику могут послужить слова отца Шеню: «Мышление есть ремесло, законы которого зафиксированы самым тщательным образом». Эта цитата – исполнение завета Боэция, который полагал, что «важнее научить людей мыслить в строго определенном направлении и дисциплинированно, чем снабдить их всеобъемлющей информацией» [Уколова, 2011, с. 5].

В современном обществе важную роль играет избирательность информации. Накопление информации и формальное обладание ею еще не дает возможности использовать информацию: ее использование требует специальных умений и навыков. С одной стороны, информация понимается как общественное благо, под которым здесь подразумевается нечто, что человек может использовать без увеличения издержек производства. С другой стороны, информация – уникальное благо, поскольку из нее можно извлечь знание, которое является сугубо персонализированным.

Интеллект – главный фактор, ограничивающий доступ к данному ресурсу, и обладателями самых важных знаний порой являются люди, не имеющие никакого отношения к институтам власти. В.Л. Иноземцев утверждает, что «впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться» [Иноземцев, 1999, с. 59].

Необразованные люди ограничены экономическими целями, они стремятся лишь выжить. Для функционирования информационного общества необходима максимальная мобилизация творческих сил, однако подобная ситуация создает социальное напряжение, имущественное неравенство, формируя новые социальные конфликты, окончательно разрушающие иллюзию, будто равенство является спутником свободы, что требует от системы образования возвращения логической культуры мышления.

Какие идеалы можно предложить в сфере философского образования? Таким идеалом в XX веке может служить Львовско-Варшавская школа: «Ибо не объединяла львовских философов какая-то общая доктрина, какой-то единый взгляд на мир. То, что образовывало духовную основу этих людей, было не содержание науки, но лишь способ, метод философствования и общий научный язык. Поэтому из этой школы могли выйти: спиритуалисты и мате-

риалисты, номиналисты и реалисты, логицисты и психологи, философы науки и теоретики искусства» [Васюков, 2006, с. 11].

В современной философии науки, когда речь идет о решении научных задач, часто прибегают к понятию парадигмы. Парадигма имеет два аспекта: эпистемический и социальный. Эпистемический аспект определяется тем, что парадигма – это совокупность фундаментальных знаний, убеждений, технических приемов, выступающих в качестве образца научной деятельности. Социальный же аспект обусловлен тем обстоятельством, что парадигма характеризуется через разделяющее ее научное сообщество, границы которого она определяет. В социальном аспекте можно говорить о метапарадигме Львовско-Варшавской школы. Феномен дрейфа членов школы из одного локального сообщества в другое служит лишь подтверждением тому. Социальная смена парадигм была безболезненной именно ввиду наличия некоторой метапарадигмы, чья глобальность санкционировала подобные переходы и делала их в какой-то степени закономерными. Нетрудно было подключиться к новому сообществу, если существовал некий общий стиль философствования.

Метафилософская рефлексия имеет место в работах философов Львовско-Варшавской школы. Следует подчеркнуть, что в школе не создавалось специальных манифестов, выражающих метафилософские воззрения: природа философии и ее методы скорее были сформулированы на полях работ, рассматривающих конкретные философские проблемы, и реже – в специальных статьях.

Метапарадигматическое использование информации, выбор подходящей, умение превратить ее в эксклюзивное знание – это особенность философской работы в современном обществе знаний. Такой подход необходим для того, чтобы обучающиеся осваивали т.н. новаторские профессии. Особенно это важно для развивающихся экономик.

Список литературы

Васюков, 2006 – *Васюков В.Л.* Загадка феномена Львовско-Варшавской школы // Исследования аналитического наследия Львовско-Варшавской школы / отв. ред. В.Л. Васюков. Вып. 1. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2006. С. 11–17.

Вульф, 2014 – Вульф М., де. Средневековая философия и цивилизация / пер. с англ. О.Д. Сидоровой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. 253 с.

Жильсон, 2010 – *Жильсон Э.* Философия в средние века: От истоков патристике до конца XIV века / пер. с франц. А.Д. Бакулова; общ. ред. С.С. Неретиной. М.: Республика, 2010. 678 с.

Иноземцев, 1999 – *Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции М.: Academia–Наука М., 1999. 724 с.

Ле Гофф, 2003 – *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века / пер. с фр. А. Руткевича. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 160 с.

Опенков, 2007 – *Опенков М.Ю.* Хакни будущее. Введение в философию общества знаний. Курс лекций для студентов философских

факультетов. М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 128 с.

Уколова, 2011 – Уколова В.И. «Последний римлянин» Бозций М.: ЛКИ. 2011. 162 с.

Шишков, 2016 – Шишков А.М. На плечах гигантов. Очерки интеллектуальной культуры западноевропейского Средневековья (V-XIV вв.). М.: СПб.: Университетская книга, 2016. 704 с.

Юнеско, 2005 – К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Издательство ЮНЕСКО, 2005. 240 с.

References

Gilson, E. *Filosofiya v sredniye veka: Ot istokov patristiki do kontsa XIV veka* [Philosophy in the Middle Ages: From the Beginnings to the End of the Patristic Fourteenth Century] / transl. by A.D. Bakulov, ed. by S.S. Neretina. Moscow: Respublika Publ., 2010. 678 pp. (In Russian)

Inozemtsev, V.L. *Raskolotaya tsivilizatsiya: Nalichestvuyushchiye predposylki i vozmozhnyye posledstviya postekonomicheskoy revolyutsii* [A Split Civilization: Current Preconditions and Possible Consequences of Post-Economic Revolution]. Moscow: Academia–Nauka Publ., 1999. 724 pp. (In Russian)

K obshchestvam znaniya. Vsemirnyy доклад YUNESKO [To Knowledge Societies. UNESCO World Report]. Izdatelstvo YUNESKO, 2005. 240 pp. (In Russian)

Le Goff, J. *Intellektualy v sredniye veka* [Intellectuals in the Middle Ages] / transl. by A. Rutkevich. Saint Petersburg: Izdatelstvo SPbGU Publ., 2003. 160 pp. (In Russian)

Openkov, M. Yu. *Khakni budushcheye. Vvedeniye v filosofiyu obshchestva znaniy* [Hack the Future. Introduction to the Philosophy of Knowledge Society]: The Course of Lectures for Students of Philosophical Faculties. Moscow: MOO VPP ЮНЕСКО “Информация для всех” Publ., 2007. 128 pp. (In Russian)

Shishkov, A.M. *Na plechakh ghigantov. Ocherki intellektualnoy kultury zapadnoyevropeyskogo Srednevekovya (V-XIV vv.)* [On the Shoulders of Giants. Essays on the Intellectual Culture of the Western European Middle Ages (5th–14th Centuries)]. Moscow, Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2016. 704 pp. (In Russian)

Vasyukov, V.L. *Zagadka fenomena Lvovsko-Varshavskoy shkoly* [The Riddle of Lvov-Warsaw School Phenomenon], in: *Issledovaniya analiticheskogo naslediya Lvovsko-Varshavskoy shkoly* [Studies of the Analytical Heritage of Lvov-Warsaw School] / ed. by V.L. Vasukov. Iss. 1. Saint Petersburg: Izdatelskiy dom “Mir” Publ., 2006, pp. 11–17. (In Russian)

Wulf, M. de. *Srednekovaya filosofiya i tsivilizatsiya* [Philosophy and Civilization in the Middle Ages] / transl. By O.D. Sidorova. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf Publ., 2014. 253 pp. (In Russian)

Поступила в редакцию 08.11.2018